

История философии

41 Джон Локк.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Теперь, говоря о Просвещении, как нам охарактеризовать Просвещение в целом и, соответственно, понимать Локка как представителя Просвещения и, во многих отношениях, начала философского Просвещения, которое иногда датируют 1691 годом, датой публикации его эссе о человеческом разумении. Иногда именно эта дата считается началом философского Просвещения. Термин «Просвещение», конечно же, относится к свету разума, который в этом контексте означает свет научного знания, свет знания, полученного с помощью объективных научных методов, будь то индуктивных или дедуктивных, по крайней мере, с той объективностью и той окончательностью, на которые претендовала наука в то время.

Вы помните строки Теннисона: «Бог сказал: оставьте Ньютона в покое, и всё стало светом». Вы спросите: зачем выбирать Ньютона, если это не свет науки? Просвещение того времени, с его акцентом на разуме, скептически относилось к традициям, скептически относилось к авторитетам и часто не оставляло места для откровения. В той мере, в какой христиане участвовали в Просвещении и, следовательно, говорили об откровении, это скорее дополнение.

Это нечто дополнительное к тому, что мы знаем исключительно разумом. Скорее дополнение, чем основополагающая точка зрения, помогающая нам понять остальное. Это была эпоха, решительно противостоявшая догматическим системам, поэтому великие создатели систем, Декарт, Спиноза и Лейбниц, на самом деле являются людьми XVII века, а не XVIII века, эпохи Просвещения.

Потому что эти создатели систем заявляют о некоем систематическом знании, которое невозможно установить одними лишь научными методами. вспомните проблемы, которые, как вам кажется, вы находите даже... нет, я не имею в виду вас даже, но вы, кажется, находите даже у Декарта, где его доказательства, похоже, не совсем соответствовали тому, что от них ожидалось. Это эпоха критики, критикующей саму возможность такого знания.

Поэтому неудивительно, что умы эпохи Просвещения обратились внутрь себя. И мыслители Просвещения начали критиковать утверждения Просвещения и научные знания.

Таким образом, когда мы дойдем до Дэвида Юма, мы обнаружим, что он на самом деле философский скептик. Он скептически относится к подобному просвещенческому знанию, объективному и достоверному. Видите ли, он скептически относится к самой возможности его существования.

И вместо этого разрабатывает объяснение того, как возникает вера и как она кажется оправданной. Она отличается от догматического типа знания. Дэвид Юм был не одинок в этом.

Он говорил о таких фигурах, как Вольтер, или о группе во Франции, известной как «Философы», или, как это до сих пор означает «философы», но, я думаю, чтобы отличать их от других философов, в английском языке о них обычно говорят французским термином. Они занимаются философией. Группа философских скептиков относительно возможности знания.

Сейчас наступила не только эпоха света разума, но и эпоха господства разума. Иными словами, господства разума не только в нашем мышлении, но и в нашей жизни. Роль разума в нашей жизни.

Таким образом, идея заключается в том, что, когда нами управляет разум, мы освобождаемся от других причинно-следственных связей. Если же мы действуем, то есть под влиянием импульса, эмоционального импульса, мы не свободны. Нами движут, как Ависом.

Целеустремлённые. Но вы это пропустили. Вы же знаете рекламу Avis, правда? Мы целеустремлённые.

Компания Avis перестала так рекламироваться? Извините, мне придётся изменить формулировку. Хорошо, если вы действуете под влиянием эмоций, вы не действуете свободно; вами движет стремление. Только когда вы способны отстраниться, отступив назад и обдумав свои действия, отстранившись от эмоционального принуждения, вы действительно свободны.

Видите? Таким образом, свобода возможна при верховенстве разума. Как мы говорим в политических вопросах, политическая свобода возможна и при верховенстве права. Но не там, где нет законов.

Чтобы обрести свободу, мы должны освободиться от навязчивых желаний. И, как следствие, развиваются этические теории, которые стремятся понять, что правильно. В Средние века главной заботой было благо.

Иными словами, идеал, к которому мы стремимся, добиваясь высшего блага, — это Бог. Но в эпоху Просвещения акцент в этике делается скорее на принципах и правилах, позволяющих нам знать, что правильно делать в этом и любом другом случае. Стремясь к той же отстраненной объективности и уверенности в этике, которые были присущи науке.

Именно в эту эпоху развивались теории индивидуальных прав. Джон Локк, с его акцентом на правах на жизнь, свободу и собственность, а также другие теории прав, которые лежат в основе французского политического наследия.

Конечно, американское политическое наследие. Наша политическая система по сути является продуктом эпохи Просвещения. И это в значительной степени так.

Верховенство права, регулируемое конституцией, представляет собой верховенство разума. Вот его характерная черта. И в ответ на этот скептицизм по отношению к свету разума, на нынешнее неприятие верховенства разума, да, это развилось в романтизме в начале XIX века.

В то время как романтизм возвращается к свободе эмоций, творческий гений идеализирует понятие свободы, некоторые комментаторы отмечают, что, начиная с эпохи Возрождения, с акцентом на политических свободах, постепенно происходит усиление абсолютизации и идеализации понятия индивидуальной свободы.

Видите ли, индивидуальные права в эпоху Просвещения, творческое самовыражение у романтиков, пока вы не дойдете до абсолютной свободы некоторых экзистенциалистов, таких как Сартр, который абсолютизирует свободу. Понимаете? На самом деле, мне кажется, что в американском этосе есть нечто, что рассматривает свободу как высшую из всех ценностей. Мне кажется, это очень языческая идея.

С иудео-христианской точки зрения, высшей социальной ценностью является справедливость, а не свобода. А свобода — лишь её подмножество. Но зачастую, и это правильно с политической точки зрения, акцент делается на разговорах о свободе, а не о справедливости.

Итак, эпоха Просвещения, в этом смысле, такова. Джон Локк, как я полагаю, очень хорошо вписывается в этот дух Просвещения. В то же время, конечно, на его мышление оказали влияние и другие факторы.

Он живёт в духе Просвещения, является неотъемлемой частью той научной эпохи, личным другом Исаака Ньютона, который подхватывает ньютоновскую модель частиц материи и применяет её к своей теории идей, как мы увидим, и к своей социальной философии. Физическая вселенная состоит из неделимых частиц материи, атомов. Объединённые и движущиеся в соответствии с установленными законами, они представляют собой простые идеи.

Объединены в соответствии с установленными законами ассоциации. В своей социальной философии он рассматривает социальные атомы, индивидов, объединённых в соответствии с законами общественного договора. Да.

Он придерживается той же атомистической модели, что и Ньютон в своей физике, психологии, эпистемологии и социальной философии. В значительной степени та же самая. И в то же время, он обладает пуританским наследием.

Его отец был одним из подписантов Вестминстерского исповедания веры, классического пресвитерианского документа Контрреформации XVII века. И что-то от этого прослеживается, так что, если вы посмотрите, например, только на первые абзацы наших отрывков из Локка, у скольких из вас есть эта книга под рукой? Что ж, не повторяйте эту ошибку в следующий раз. Хорошо, теперь антология Кауфмана .

Если посмотреть на начало, то именно с этого он и начинается. Своё эссе о человеческом понимании он начинается именно с этого. Исследование понимания — это приятное и полезное занятие.

Поскольку именно понимание возвышает человека над остальными чувственными, сознательными существами и даёт ему все преимущества и власть, которыми он обладает над ними, это, безусловно, тема, даже в силу своей благородности, достойная нашего изучения. Итак, что же отличает человечество? Ну, вы скажете: рациональность. Об этом говорили греки.

Да, Просвещение тоже так считает, продолжая эту тему. Но обратите внимание на то, что он говорит ещё. Именно это даёт ему власть над остальной природой.

Здесь присутствует тот самый пуританский реформатский акцент на сотворении мира. Мы видели это у Бэкона и снова у Гоббса. В конце этого абзаца он говорит о том свете, который мы можем впустить в свой собственный разум.

Снова лёгкая, интересная фигура речи, свет разума. А на странице 165, вверху страницы, когда он говорит о методе, он говорит о поиске границ между мнением и знанием. Между мнением и знанием.

Это старое платоновское различие, которое он переосмысливает и вводит в эпоху Просвещения. Знание должно быть объективным, достоверным и научно и логически обоснованным . Мнение — это совсем другое.

Именно поэтому, по его словам, мы должны регулировать своё согласие и смягчать свои убеждения. Вы можете контролировать то, с чем соглашаетесь , вы можете контролировать свои убеждения, понимаете. Мы совершенно свободны соглашаться или не соглашаться, верить или не верить, в соответствии с разумом.

Видите ли. А затем на странице 165, во второй колонке, у него есть раздел, озаглавленный «Что означает идея», — термин «идея» в кавычках. И вы заметите, что в середине этого абзаца он замечает, что это означает всё, что является объектом понимания, когда человек мыслит.

Хорошо, а о чём вы думаете, когда думаете? Об идеях. Об идеях. Видите ли, это своего рода отправная точка Декарта.

То, что мы имеем, — это разум, непосредственно осознающий собственные идеи. Хорошо, это отправная точка. И как это было для Декарта, так это и для Локка.

Конечно, всё, что мы знаем, — это наши представления. Вопрос в том, можем ли мы сделать какие-либо выводы о внешних вещах, таких как тела, другие разумы, Бог? А эти вещи, находящиеся вне нашего собственного разума, должны быть продемонстрированы, должны быть доказаны. Для этого нужны доказательства, подобные научным.

Понимаете? Или, если вы не можете получить эти доказательства, то всё, что у вас есть, — это не знания, а мнения, убеждения. И когда Дэвид Юм становится скептиком, он, следовательно, поднимает вопросы о знании тел, знании других умов, знании Бога и даже знании собственного разума.

Итак, Юм утверждает, что всё, что мы на самом деле знаем, — это наши собственные субъективные представления. Да, он верит, что у нас есть тела. Он склонен верить в Бога.

Это предел его возможностей. Хорошо. Итак, Локк, да, в самом начале всего этого движения.

Затем, один Другое предварительное замечание к статье 166 в первом столбце. Он утверждает, что у нас нет врожденного знания. У нас нет врожденного знания, как считал Платон.

Всё, что у нас есть, мы получаем через органы чувств. Всё, что мы знаем, мы получаем через органы чувств. Формирование чувственных идей.

Это приводит к появлению собственных размышлений. Это приводит к более сложным идеям. Мы объединяем их, чтобы формировать предложения и развивать знания.

Но всё это исходит из чувственного опыта. Одна из причин, по которой он настаивал именно на этом, а не на врожденном знании, заключается в том, что было бы оскорблением Бога, давшего нам наши чувства, предполагать, что мы

не можем полагаться на них в определении местоположения вещей. Таким образом, подобно тому как Декарт обращался к Творцу, давшему нам разум, чтобы мы могли доверять разуму, Локк обращается к Богу, давшему нам наши чувства, чтобы мы могли доверять нашим чувствам.

Таким образом, если основополагающим предположением эмпиризма Локка является достоверность чувств, то, по крайней мере, у него есть для этого теологическое обоснование. Впрочем, это чисто вводная часть. Локка рассматривают как основоположника Просвещения, и то, что он делает на этих страницах, фактически подготавливает почву для радикальных изменений в Беркли и для отказа Юма от всего этого.

Позвольте мне сделать паузу и прокомментировать. Да. Да.

Ну, вы помните, как Декарт пытался доказать, что у него есть разум. Я думаю, у меня есть идеи. Следовательно, я существую.

Мыслящий объект. Сказать, что у меня есть разум, значит сказать, что я — вещь. Существует вещь, которая мыслит.

Вспомните фразу Декарта: *res cogitans*. Мыслящая вещь. Где *res* означает субстантивную сущность.

Не физическое существо. А сущность. Теперь под вопросом именно этот сущностный статус, само понятие субстанции разума, субстанции души.

Декарт считал, что доказал это. Локк согласен с Декартом. Он считает, что если ты мыслишь, то ты, должно быть, мыслящее существо.

Но Юм спрашивает: почему? Почему? Ну, всё, что я знаю, это то, что я — совокупность восприятий. Множество взаимосвязанных идей, которые я осознаю. Так что всё, что я знаю о разуме, если вы хотите быть эмпиристом, это то, что я — совокупность восприятий.

Вы скажете: «Но ведь нечто должно обладать таким набором восприятий». Что ж, вы будете догматизировать и говорить, что это такое. Вы просто признаетесь, что не знаете.

Юм говорит: «Я не знаю». Альтернативы, по его мнению, — это догматизм и скептицизм. Скептик не отрицает существования таковых.

Он говорит: «Я не знаю и не знаю, как это выяснить». Понимаете? Так что этот вопрос обсуждается в работах Юма, наряду с другими умами, телами и Богом.

Другими словами, Юм — скептик в отношении любых метафизических убеждений или, я бы сказал, любых метафизических знаний.

И Локк его к этому подготавливает. Хорошо, давайте попробуем разобраться с его теорией идей, не так ли? Попробуем разобраться с его теорией идей. Первое, что он делает... А теперь позвольте мне вернуться назад .

Обратите внимание на различие между идеями и знаниями. Почему? Он подчеркивает, что знание состоит в добавлении или вычитании идей.

Так что, если я скажу, например, что все люди смертны. Хорошо. В этом случае я выношу суждение, утверждаю утверждение.

И всё знание состоит из утверждений и суждений, имеющих форму «субъект-сказуемое». Сущ. и сказуемое — это разные идеи. Таким образом, у нас есть идея первая и идея вторая.

Идея о человеке. Да, это обобщенная идея. Хорошо.

Идея смертности. Это идея о некоторой случайности жизни. Это качественная идея.

Но очевидно, что знание у нас есть только тогда, когда у нас есть идеи. Знание — это суждения, которые вы выносите о своих идеях. Поэтому ему нужно начать с теории идей.

Откуда берутся наши идеи? Первый вопрос. И его ответ состоит из двух частей. Во-первых, врожденных идей не существует.

Во-вторых, все идеи берут начало в чувствах. У него есть обширный раздел, и значительная его часть содержится в антологии, где он выступает против теории врожденных идей. Вы помните эту теорию о врожденных идеях из трудов Платона?

А в другой форме, у Декарта, он делает акцент на ясных и отчетливых идеях, которые интуитивно понятны и естественны для нас. Не совсем ясно, о какой именно из них говорит Локк. Это отвратительно.

Я склонен считать, что с наибольшей вероятностью он имеет в виду кембриджских платоников. Кембриджских платоников. А теперь короткое замечание.

В эпоху итальянского Возрождения, особенно в XIV и XV веках, наблюдалось возрождение платоновской философии. Платонизм на протяжении многих лет

был в значительной степени вытеснен аристотелевским влиянием, особенно во Флорентийской академии.

В дискуссиях фигурирует человек по имени Фичино, оказавший наибольшее влияние на английское Возрождение благодаря итальянскому Ренессансу. В Англии же, например, Джон Каллет в XV веке применил платонизм к религии и образованию, а другие, такие как Томас Мор и Спенсер, — к политике. Таким образом, в эпоху Возрождения произошло целое возрождение платоновской философии.

Кембриджский платонизм был преемником возрождения эпохи Возрождения в XVII веке. Главной фигурой в нем был Ричард Кадворт, умерший в 1688 году и, как видно из этого, являвшийся младшим современником Джона Локка. Это было движение, в основном среди англикан, противостоявшее двум другим альтернативам, которые им очень не нравились.

Одна из них — механистический взгляд на природу, включая человеческую природу, у Томаса Гоббса и, собственно говоря, у Декарта, рассматривавших физический мир. Механистическая наука в целом была для них неприемлема. И это вполне ожидаемо от идеалиста-платониста, а это был платонизм с теорией эманаций, следовательно, в некоторых отношениях более неоплатонический.

Это была идеалистическая метафизика, которая отвергала точку зрения о том, что материя реальна и обладает реальными причинными свойствами. Следовательно, она отвергала точку зрения о том, что причинные стимулы, воздействующие на органы чувств, могут порождать идеи. Поэтому она вернулась к теории врожденных идей.

В противовес материализму, а следовательно, и Гоббсу. Также в противовес кальвинизму пуритан, которые считали, что он принижает человеческую природу и порождает лишь религиозные межконфессиональные споры. Напротив, они утверждали, что разум обладает силой благодаря врожденным идеям.

Вы видите, что правило разума по-прежнему действует. Разум обладает способностью познать существование Бога, познать наши моральные обязанности. Суть христианства заключается в нравственной жизни и созерцании Бога, а не во всевозможных спорах о теологической ортодоксии.

И для этого они сочли кембриджский платонизм вполне достаточным. Врожденное знание, врожденное моральное знание. Платоновский идеал — это созерцательная любовь к добру, которым является Бог.

В ответ на это я предполагаю, что Джон Локк, исходя из своего пуританского воспитания, выступает против существования каких-либо врожденных идей. Нет, наше время прошло. Разве нет? Нет, не прошло.

Я всё ещё пытаюсь привыкнуть. Нет, у нас есть ещё десять минут. Отлично.

Джон Локк выступает против врожденных идей. Хорошо, а как же он это делает? В его трудах переплетаются самые разные точки зрения. В основном, его точка зрения такова.

Если знание врожденное, если идеи врожденные, то они были бы известны повсеместно. Но, согласно принципу *modus tollens*, универсальных идей не существует. Следовательно, вывод таков: идеи не являются врожденными.

Он не формулирует это именно так. Вот моя логическая интерпретация его аргумента. Если идеи являются врожденными, они будут универсальными.

По поводу подобных идей нет единого мнения. Следовательно, они не являются врожденными. Ах да, и он идет еще дальше.

Даже если бы они были универсальными, это не доказало бы их врожденность. Думать так было бы нелогично. Потому что универсальность можно объяснить и другими способами.

Общие эмпирические факторы, например. Итак, что же он делает, чтобы оправдать утверждение об отсутствии универсальных идей? Ну, во-первых, идеи, которые считаются врожденными, идеи Бога и моральные идеи, неизвестны детям и идиотам. Детям и идиотам.

Иными словами, у них отсутствует умственное развитие, необходимое для осмысления этих идей. И, знаете, он работает с вопросом: что значит, что идея является врожденной? Это значит, что она должна присутствовать в понимании. Но как она может присутствовать в понимании, если она не понята? Может ли что-то присутствовать в понимании, если кто-то этого не понимает? Ведь если что-то присутствует в понимании, значит, оно понята, не так ли? А маленькие дети, в частности, просто не понимают.

Это одна линия рассуждений. Вторая — указать на культурное разнообразие. Вспомните эпоху Великих географических открытий, XVI век? Культурное разнообразие проявляется в этике, в представлениях о Боге.

Итак, как же мы можем утверждать, если там нет универсальных идей, что эти важнейшие идеи, по крайней мере для кембриджских платоников, являются врожденными? В то же время, на странице 168 есть отрывок, где он объясняет

идею Бога со всей её неясностью и многообразием способами, которым его научило пуританское воспитание. В самом начале страницы 168 он говорит, что, давайте посмотрим, такая идея выводится из любой области знания, идея Бога, ибо видимые признаки необычайной мудрости и силы так ясно проявляются во всём творении, что разумное существо, которое серьёзно задумается над ними, не сможет не заметить божество. Это просто перефразировка Послания к Римлянам, глава 1: «Невидимое от создания мира ясно видится, будучи понято; а сотворённое есть вечная сила Божия».

Таким образом, это всего лишь перефразировка Послания к Римлянам, глава 1, но без каких-либо врожденных идей. Джон Кальвин, как вы, возможно, знаете, в своих «Институтах христианской религии» говорит, что во всех людях есть некое ощущение божества, некое *sensus deitatis*, смутное, неопределенное, и именно это является семенем религии, *semen religionis*. Поэтому мне кажется, что именно это Джон Локк имеет в виду в данном контексте — это ощущение божества, возникающее просто из размышления о сотворенных вещах.

Итак, врождённых идей нет, так как же он собирается объяснить происхождение идей, ссылаясь на органы чувств? Что ж, он предлагает целый список предположений, чтобы это объяснить, и я их отмечу, а вы сможете ознакомиться с ними в следующем чтении. Прежде всего, это утверждение, что сознание, человеческий разум при рождении, — это чистая доска, как чистый лист бумаги, *tabula rasa*, как чистый лист бумаги, на котором опыт оставляет следы. Понятие *tabula rasa* встречается ещё у некоторых стоиков, безусловно, у Аристотеля, так что это часть растущей эмпирической традиции.

Во-вторых, как я уже отмечал, идея — это в лучшем случае ментальное представление. Его теория познания — репрезентативная, наши идеи — это представления о свойствах и вещах, находящихся вне нас. Затем он различает простые и сложные идеи.

Простая идея будет касаться одного свойства за раз, а сложная идея будет заключаться в объединении нескольких свойств. Ряд простых идей. Итак, когда вы смотрите на меня, вы видите синюю рубашку; идея синего цвета — простая идея; синий цвет, как и рубашка, — это сложная идея, а когда вы видите меня целиком, все становится гораздо сложнее. Ладно, просто, сложно.

Простые идеи, как я уже говорил, — это атомистические идеи, неделимые единицы. Мы получаем идеи как от внутренних, так и от внешних органов чувств. Вы знаете о пяти внешних органах чувств.

Внутреннее — это всего лишь отражение наших собственных психических состояний. Поэтому я могу размышлять о своих собственных идеях, о синеве, которая остается в моем сознании как остаточный образ. Я могу размышлять о

своих собственных психических действиях, таких как мышление, желания, вера, различные другие виды деятельности, которые Декарт включил в свое *cogito*.

Итак, внутренние и внешние ощущения. Характерная черта простых идей — их ясность и чёткость. Звучит знакомо? Ясность и чёткость.

Но они не врождённые. Они не интуитивные. Ясные и отчётливые.

Идеи могут возникать как от одного органа чувств, так и от нескольких, так что идея пространства — это идея, которую мы получаем от разных органов чувств. И в тех идеях, которые у нас есть, мы должны различать идеи первичных качеств и идеи вторичных качеств. Он подробно объясняет это на страницах 178–181.

Вторичные качества — это просто качества, связанные с различными органами чувств. Обоняние, вкус, цвет, звук, текстура. Таким образом, они обладают этими качествами благодаря особенностям работы наших органов чувств.

Они производятся в Мы, но не имеем объективной реальности. Существуют ментальные способы представления физических вещей. Физические вещи, обладающие первичными качествами.

Первичные качества — это качества материи в ньютоновской науке: размер, форма, вес, плотность. И материальные тела, обладающие первичными качествами, способны вызывать у нас ощущения, обладающие вторичными качествами, посредством причинно-следственного воздействия.

Вот с каким аппаратом он и будет работать. И на основе этой теории идей, идей, описанных таким образом, он считает, что можно построить все человеческие знания и убеждения.